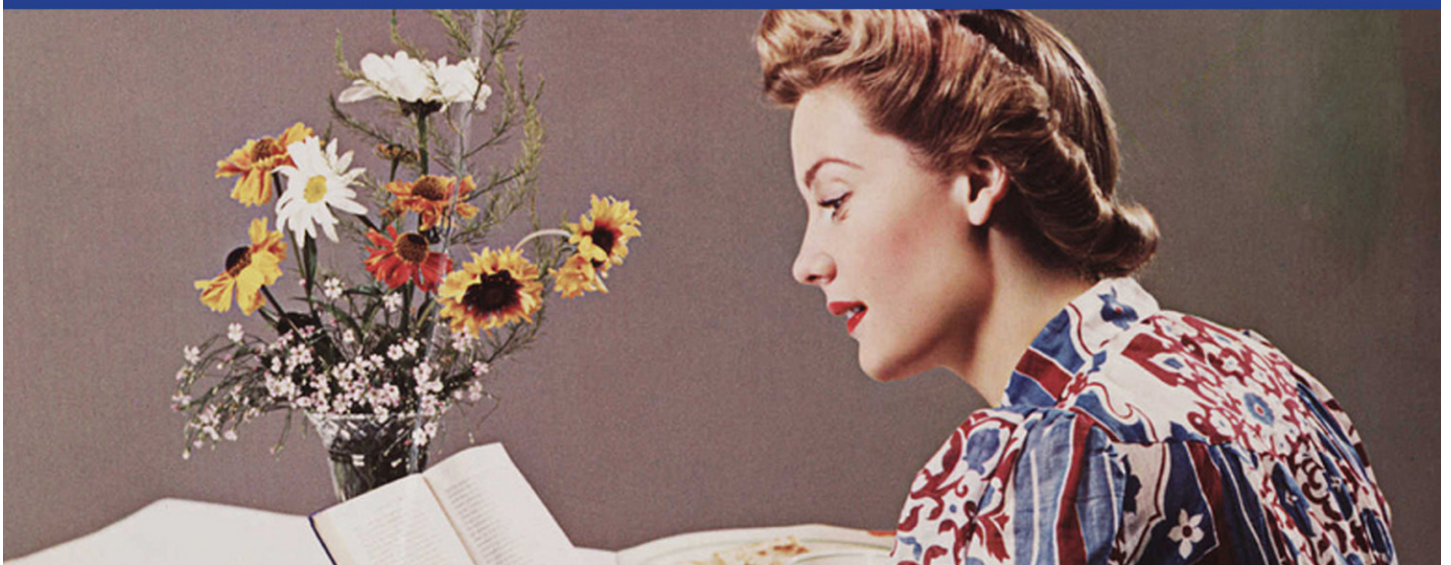

Галина Щербакова

Уткоместь,
или Моление о Еве

ФТМ

Галина Щербакова

Уткоместь, или Моление о Еве

«ФТМ»

2001

Щербакова Г. Н.

Уткомесь, или Моление о Еве / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,
2001

ISBN 978-5-4467-1905-1

Когда-то, в конце семидесятых годов, три беспечных подруги попались на глаза одинокой и несчастной женщине в крайне неудачный для нее день. И, сами того не зная, нажили себе врага. Прошло двадцать лет. Девушки повзрослели, обзавелись семьями и проблемами, от былой беспечности не осталось и следа. И все эти годы в клеенчатой тетради копилась ненависть, дожидаясь своего часа.

ISBN 978-5-4467-1905-1

© Щербакова Г. Н., 2001
© ФТМ, 2001

Содержание

Я – Саша	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Галина Щербакова

Уткомесь, или Моление о Еве

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Она меня все-таки догнала возле лифта, пока я – вечная клуша – переминалась с тремя набитыми пакетами, освобождая средний палец, чтобы нажать кнопку вызова.

Она что-то мне сказала, материализуясь из темноты пристенка почтовых ящиков. Что-то сказала и подняла руку.

Палец успел вызвать лифт, и я очень долго падала в него, оглушительно шелестя пакетами.

Она мне что-то сказала... Что?

«Жаль, – подумала я свою последнюю мысль. – Мне уже не рассказать всей этой истории. Жаль».

И я ушла в бесконечный зловонный туннель, о котором столько наврано. Наврано... Наврано... О...

Однажды их занесло в шашлычную на Красной Пресне. Трех молодых и красивых. Это было время, когда никуда нельзя было попасть по желанию. Время, когда табличку со словами «Мест нет» выковывали одновременно с дверными ручками кафе, театров, бань и прочих людских мест. В такой системе был смысл. Разреши всем подряд мыться, где они хотят, или позволь им смотреть красивых артисток по потребности – все обрушится и полетит к чертовой матери. И тогда уже не отличить того, кому быть здесь положено, кто пущен, а чье место далеко-далеко, за той самой лужей, что расплескивается машинами во все стороны на прохожих, которым входа нет на все и навсегда.

Сегодня, в тринадцатую пятницу девяносто девятого года, то – почти забытое прошлое, но как много из него растет. Растет от вахтера, что стоял тогда у таблички и нежно и ласково, едва-едва касался к допущенной заднице. Что-то растет от людей, забрызганных грязью той самой лужи. Но повторяю: сегодня пятница девяносто девятого, а мы в другом времени – в пятнице семьдесят девятого. Красивых молодых женщин пропустили тогда в шашлычную, и та, что шла последней, сунула в карман швейцара трояк. Хотя напрасно – они уже вошли, вошли за так, просто потому, что хороши были.

Это был особый случай преодоления знака «нет», бультерьера той жизни, случай победительности красоты. Ну а если ее – красоты – нет? Ну не вышло с сочетанием генов, Бог был раздражен на очередную энциклику Папы римского. «Да просто не так встали звезды», – говорит один молодой человек, когда его головка очень бо-бо с перепоя.

В тот день, час, через минуту, когда наших барышень пустили за их ресницы, талии и мочки ушей, в дверь стала биться женщина, у которой отвалилась, зацепившись за ошметок асфальта, подошва, и она, в сущности, оказалась босой ногой на ноябрьском снегу. Бедняга приподнимала ногу, чтоб улыбочивый к красавицам швейцар обратил внимание на бедственность ее положения и понял, что ей всего-то надо вызвать такси или каких-то знакомых. Бедняжка рисовала пальцем на стекле как бы телефон и трубку. Но вахтер, отвлекшись от пахнущих красоток, махнул рукой на бедолагу – пошла, мол, вон, – и та поковыляла дальше, плача от холода и обиды и как-то очень сильно запоминая этих «шлюх», которым жизнь отваливает полной мерой щедрости, а ей даже на малость жадничает.

Она уже тогда поняла, что запомнила их на всю жизнь. Особенно одну. Тоненькую, с пушистым серебристо-золотым хвостиком и ложбиночкой на затылке, которая нежно стекала в одежды и где-то там, под ними, преображалась во что-то другое. Еще лучшее.

Подошва же еще какое-то время держалась на каблуке, а потом чавкнула и осталась на дороге. Такая сама по себе подошва. Уже без будущего. Отдельная от подошвы женщина жаждала в тот момент трещины земли в районе шашлычной, падения потолка на головы всех тех, для которых места всегда есть.

Так она и дошла домой босой ногой.

Забудем о ней пока.

Три женщины с заиндевевшими от первого мороза ресницами, прошедшие как бы поверх барьеров, вполне осознавали тогда утроенность своей силы и шубейки свои (цигейковую, заячью и синтетическую) бросили гардеробщику небрежно, как соболя, и юбки перед плохоньким, замутневшим трюмо одергивали как-то даже бесстыдно, как делают дети, еще не подозревая, что в откровенном, на виду, подтягивании трусиков... – как бы это сказать помягче и посовременней? – изначально существует, как это теперь говорят налево и направо, эротический компонент.

Ольга тогда задрала подол на всю возможную высоту. Рая возилась с лялками лифчика: у нее маленькая грудь, и правильное стояние твердого бюстгальтера было, так сказать, обязательным. Саша же утягивала пояс. В ладонь широкий, он демонстрировал талию молодой Гурченко, а может, и побивал ее в миллиметрах.

Когда шли в душный от подгорелого жира зал, гардеробщик, старый человек – что с него взять! – тронул за руку Раю и сказал ей тихо, но как бы навсегда: «Ты лучше всех!» Рая скорчила гримаску: во-первых, она в этом и не сомневалась, а во-вторых, говорить ей это при подружках даже шепотом все-таки не следовало – Ольга улавливает любую шепотную речь задалеко. Она и уловила. Толкнула Раю плечом и сказала: «Проверяешь аккумулятор на старичках?» – «Я такая», – засмеялась Рая, но ей стало неловко. Она была девушка скромная. Поэтому за стол она села так, чтоб не видеть зал – красуйтесь, подружки, без меня. Мне не жалко. Что они и делали первые пять минут, отвлекая жующие рты от непрокусываемых шашлыков. Первичность еды и женщины решена только на уровне крыс и прочей животной мелочевки. Результаты разные. А вот поставить перед едоком, еще не утолившим аппетит, красавицу – такие эксперименты пока еще не описаны, а значит, и не о чем говорить. Потом девушкам принесли по бокалу цимлянского, и прорвало то, ради чего, собственно, и сели...

У Ольги тогда назревал развод. Не трагичный, а, скажем, унылый. Именно унылость вела к тому, что развод мог и не состояться, и жизнь, слегка пожмакав и потискав, вернет Ольгу в привычный порядок. Так уже однажды было. Вялость чувств успешно и лучше всего перемальвывает любые ситуации. Ольга и Сергей остались вместе, родили еще одного ребеночка. Теперь мальчику пять лет. Он близорук и толст, дочери уже двенадцать, и снова вялотекущая шизофрения отношений и горячий шепот Ольги над пузырьками вина:

– Ну не знаю, не знаю... Есть же куда ему уйти... У мамочки квартира. А мне некуда... Я – девушка безродная...

– Что ты выгадываешь разводом? – спрашивает Саша. – Что? Было бы ради кого... Нету же!

– Так и надо уязвить! – почти кричит Ольга. – Не в тебя я! Не в тебя! Запасных аэродромов не имею. – И добавила, смеясь: – Меня надо завоевать...

– А где войска завоевателей? – Это уже Рая. – На подходе?

– Нету у нее никого. – Саша главный спец по части стратегии захвата чужих мужчин. Муж сдувает с нее пылинки, но всегда – всегда! – какой-нибудь сторонний Вася ждет своего счастья. Васе всегда перепадает от Сашиных щедрот, но по чуть-чуть, по мелочи. «Охотничья собака, – объясняет Саша, – должна быть голодной».

– Ты кто у нас? Кто? – смеются подруги. – Утка? Лиса? Медведица?

– Я трофей, которым гордятся, но руками не трогают, – смехом отвечает Саша.

Так и живет. При муже, при васьках, завуч лучшей школы, сын – победитель всех олимпиад или почти всех.

– Нет! – говорит Рая. – Нет и нет! Природа нас устроила жить с мужиками. Сергей – нормальный дядька, не хуже других. С чего тебя пучит?

Ольга думает, что зря она собрала подруг, только свистнула – и они тут как тут... Какие же вы, к чертовой матери, подруги, если не можете понять? Наклонившись к ним близко-близко, Ольга матерится так, как умеет только она. С полным знанием существа предмета и всех его особенностей.

Они хохочут в голос, а тут и поспевают страшенькие шашлыки, с обугленными краями, жарко выпяченным салом и не в меру проуксусенным луком, поданным отдельно.

Лук в таком виде – «ноу-хау» шашлычной. Некоторые его не едят совсем. Тогда, переложенный на тарелочку с другой каемочкой, лук поедет по столам дальше. От этих дам должна была идти по луку чистая экономия, но горько-кислые колечки красавицы разобрали вмиг.

– Ишь как их потянуло на горькое, – сказал официант коллеге. – Крепкие девки!

– Гормон играет женщиной разными способами, – ответил другой. Он слыл интеллектуалом шашлычной, так как читал Цвейга и знал, кто такая Черубина де Габриак.

Красивые женщины хрустели луком и запивали его подкисшим красным вином.

Таким был вкус жизни, помеченной табличками «Мест нет».

Я – Саша

Нас только что угощали грузинским вином. Для школы это редкость. Имеется в виду, что учителям, как старорежимным барышням, принято дарить конфеты в бездарных коробках или – в более продвинутом варианте – лжефранцузскую туалетную воду, бутилированную на Малой Арнаутской. Наш же гость – человек простой, правил не знает. Он приволок пять бутылок грузинского вина из самого Самтредиа или как это у них называется? И пару бутылок цимлянское. Дары отца здорового амбала, в штанах которого всегда тесно, но, как ни странно, он ни в чем не отстает и не слабеет от напора в гениталиях, поэтому наш лицейский класс, по расчету этого папы, для мальчика самое то. И это правда. Вино оказалось что надо. Училки потекли благодарной соплей, и их можно было брать голыми руками. Пришлось на них слегка гаркнуть. Не так, как я умею, когда зла по-настоящему, а тихонько, но ядовито. Меня тут понимают с полуслова, и слюну с подбородка вытерли. Хорошее вино – увы! – не для учительских зарплат. Зачем-то я взяла цимлянское. Мазохизм в его изощренной форме. Я ведь знала, что это вино мне противопоказано с того самого случая, когда наша троица собралась как бы на дружбу, а разбежалась, как волки в поле. Ничего вроде не произошло. Ольга рассказывала про то, что собирается разводиться, мы с Раисой ее отговаривали – дура, мол, и все такое... Она отгавкивалась, нормальный интеллигентный треп, никто никого не умней, но и не глупей тоже. Ведь важная составляющая отношений дружбы – равенство. Но расходились, повторяю, как дальние родственники. И убей меня бог, если этому была явная причина. То есть, конечно, она была, если такое случилось, где-то в глубине наших отношений, но никто, никто не брал лопату, чтоб копнуть эту самую глубину. И на тебе! Расставались, как обычно – чмок, чмок, но уже была у меня внутренняя уверенность: больше не соберемся. Даже не так, точнее: я думала о себе. Больше я не приду. Было ощущение моей собственной освобожденности от них, хотя сроду про это не думала, в голову не брала. Значит, случился рубеж. Вещь абсолютно реальная и столь же мистическая, потому как переход через него делает тебя другим. И ты хоть тресни, а в свое дорубежье уже не вернешься, даже если там у тебя мама родная. То есть ногами, может, и вернешься, чтоб поцеловать маму, но губы у тебя будут другие, и мама поймет это и схватится за сердце, и тебе станет больно за нее, но и боль будет другая. Ибо переход уже случился. Другая жизнь может быть лучше, а может – и хуже: счастье, если ты сумеешь это понимать... Я понимаю... Я точно знаю: то отвратное цимлянское, которым мы запивали твердое мясо баранины с мягким свиным салом (они так нанизывали на шампур, сволочи!), каким-то непостижимым образом сформулировал мою мысль: «Мне здесь (в пашлычной, в Москве, в стране) противно жить, и я не смогу себя уважать, если буду и дальше запивать лук, поданный отдельно от мяса, разбавленным вином».

Конечно, не в луке было дело. Побег давно и сладко кувыркался в сердце. Моя молоденькая соседка по площадке со своим парнем сели в сделанную собственными руками пирог и рванули к финнам. Конечно, были пойманы и посажены, я ходила к ним в тюрьму, девочка плакала, что сволочи-пограничники порубили пирог, а ее друг делал ее по чертежам чуть ли не Гайаваты. Смех и грех. Но что-то они во мне высеяли. Романтические бредни с бреднем. Хотелось рвануться, чтоб треснула пуповина, на которой с одной стороны «Вход запрещен», на другой – «Мест нет». И пробежать, взявшись за руки, те самые сто пятьдесят метров, после которых пуля уже ослабнет и не убьет. Романтика замечательно трансформируется в простые житейские вещи. Есть у нее такое свойство. Романтики хоть и фантазеры, но и деятели обязательно. Тогда как реалисты – сплошь фуфло. Ни на что не годны. Я готова защитить на этом диссертацию. Тут все дело в законе движения. Романтик – живчик, он обязательно крутится, пусть даже вокруг себя. А реалист прикопан изначально. Его возможности определены длиной его рук. Реалисты придумали веники и лопаты. Романтики – самолеты и велосипеды. И те, и

другие нужны. Но закон «Стой, ни с места!» сформирован идеологами-реалистами, чтоб стрелять им в романтиков.

Так вот, наш романтизм побега – пирога, подкоп под белорусскими Пружанами и прямо в войско Леха Валенсы. Но все это, как у всяких развивающихся романтиков, превратилось в забубенную эмиграцию в Израиль. Отстояли. Отождали. Отнервничали. Распродали. Раздали. И – вперед! Мы слиняли с моим благоверным, который единственный и имел право на эту эмиграцию. Я была пристяжной. Там я хлебнула уже той жизни и тоже полной мерой, и через три года мы вернулись в горбачевскую страну. И стали хлебать тут. Замечательно дикий девяностый с талонами на водку и сахар. До сих пор ношу клетчатую мужскую рубашку, купленную по паспорту с московской пропиской. В магазине «Подарки», что в начале Тверской, рядом с «Российскими винами». Муж у меня – золото. Ему всюду хорошо или плохо, это у него не всегда различимо. Но если есть стол и возможность писать слова и формулы, все остальное ему без разницы. И изысканные фрукты Израиля он ел точно так, как червивые груши с тетиной дачи. Если бы мне предложили самого что ни на есть мужчину, со статями, мощностями и деньгами, я бы не оставила своего, сутулого и слабого. Мне нужен именно он, вокруг которого я расту широко и буйно, охраняя его своими ветками и листьями. Нет, правда! Никто не понимает этого, даже его родня, которая знает, что мужчины западают на меня сразу и навсегда. Его очень отговаривали от меня – мол, не по плечу рубит сук. Но я отодвинула плечом всех претендентов на мое грешное сердце и ни разу не пожалела, что поступила именно так. И не надо мне другого, как пелось в раньшей песне. Я даже не знаю, что могла бы сделать, случись у нас опасность разрыва. Скорее всего, я убила бы его, а потом – себя. Я как-то сказала это нашему сыну Алеше, он посмотрел на меня и ответил:

– Страшные вещи говоришь, мать, но правильные. Врозь вам не выжить. Я давно заметил: там, где у отца кончается нога, начинается твоя рука, а потом ты непринужденно переходишь в него, эдакий сюр. Мне-то от этого хуже – в сущности, у меня один родитель по имени мапа. Даже пожаловаться некому.

Алеша теперь живет в Германии. В Израиль мы уехали, как сотни других, прежде всего из-за армии. Но когда мы уезжали назад, у Алеши возникла возможность сразу двух университетов – иерусалимского и мюнхенского. Он уже обрел каких-то приятелей в Израиле и даже маленькое научное имя. Наш отъезд оказался аргументом посильнее – штаны Гете победили, тем более что на глобусе Германия стояла к нам как бы ближе. Так второй раз мы отважно сломали географию.

А теперь, когда подняла голову эта красно-коричневая сволочь, так просто счастье, что он этого не видит. И не видит меня, заходящуюся в паническом крике. Я понимаю, это не по-христиански, но коммунофашистов я бы убивала собственной рукой. После ГУЛАГа так ничего и не понять? Какой же еще опыт, Господи, ты можешь предложить этому народу? Какой?

– Вы про что так сердито думаете? – спросил меня наш гость-грузин.

У меня выразительное лицо – извините за нескромность, а в минуты полной самоизоляции я даже тихонько говорю сама с собой.

– Я думаю, что никогда не пила такого вкусного цимлянского, – вру я.

– Но почему тогда сердитая?

– Это я злюсь на время, обманывающее нас подделками.

Училки мои залопотали, что пусть, мол, подделки, но были бы по нормальной цене. С любой буквы разговор скатывается к этому. Это наша вечная радость со слезами на глазах. Ну что за народ, что за народ? И я даю отбой застолию, боюсь отдаленных злых последствий. Учителя у нас хорошие, но, честно говоря, малокультурные. Это такое горе, но где взять других? Этим спасибо. Вожу их в театр, как гусей. На «Гамлета» Штайна. А потом на «Гамлета» Стуруа. Устраиваю диспут. Это всегда тяжело, ибо что нам Гамлет с черепом? Но повод поговорить о себе, о нас хорош. Много чего узнаю о своих товарках и о жизни вообще.

Кстати, откуда, спросите, деньги на билеты? От этого же грузина. Он хочет, чтоб его мальчик «покушал культуру». Он произносит это так, как говорят «познал женщину». Он объясняет мне пальцами, задыхается горлом: его ребенок не пойдет в театр с охраной, объясняющейся на двух языках, он пойдет только «с детками». Слово «детки» произносится на самом нижнем регистре. Это вышивка по бархату шелком – такое произношение. Он добавляет уже без шелка: «И с педагогами, конечно, а как же? Сводить деток в туалет там или буфет, или чтоб не разбежались». Отсюда деньги.

С детьми было все в порядке. Им не понравился Гамлет – ни тот, ни другой. Им понравился Клавдий, потому что хозяин и бережет женщину. То, что он убийца, не так уж и страшно. Йорик тоже симпатичный, один смех. А «Быть или не быть?» – это вообще надувной шар. Ну не будь... Или уж будь... Я не боюсь никакой их крамолы, никакой их глупости, мне нравится говорить с ними обо всем...

Труднее с учителями. «У Офелии платье из марли. Раньше *наряды были как наряды...* Какой Райкин – Гамлет? Гамлет – это Смоктуновский. А Райкин – Труффальдино из Бергамо. Ну там, где он с Гундаревой... И вообще Гамлет – это позапозапозавчерашний день. Чему тут детей учить? Что нехорошо убивать? А убивают все больше и больше. Вот фильм хороший с Чуриковой, где она решила, что в нее итальянец влюбился за мороженое, не глядя на все остальное... Так ее, дуру, жалко до слез, но и зло берет... С чего бы это, – понимай, понимай, – он бы к тебе в койку, хоть ты сто раз замечательная женщина по характеру, если вокруг одни Софи Лорен?» Я люблю своих подруг-учителей. Они питаются пшенной кашей, она же у них в голове. И мне не объяснить им, что жизнь и искусство – не вместе, а врозь. Всегда врозь. И искусство выше жизни. Оно наше желание и почему-то всегда несчастливое его осуществление. И не накладывать надо Чурикову на знакомую тетку, а разводить их по сторонам, чтоб увидеть *разницу*. Фу! Как я это не умею говорить! Но их этот фильм задевает больше других. Я пошла тогда напрямую:

– А может, стоит один раз переспать с чистым и обходительным иностранцем, да еще на фоне Венеции? Может, это не грех, а подарок?

Сначала они онемели, потом заорали на меня так, что подумала: «Побьют». Но уже на второй минуте крика поняла: попала в точку. Мои красивые высоколобые девки хотели того же: перекрестья лестниц, высоких, в небо, потолков гостиниц и чтоб Некто из самого поднебесья делал вполне конкретные знаки рукой. И они начинали чувствовать главное – то, что я не могу выразить, на фоне красоты всякая похабель высыхает, как лужа на припеке, и остается одно, сущностное – Он и Она. И черт с ним, с языком. Его не надо. То, что героиня Чуриковой говорила по-итальянски, не принесло ей счастья, а вот молчала бы... И увидел бы козел, какие у нее глаза, куда там их Лоренихе, и русскую лепку ног, стройную, изящную, но и полную, черт возьми. Такими ногами переходить быстрины, не стесняясь подтягивать юбки до самого «того», что не прикопать никакими решениями ни левых, ни правых.

Да, мои училки хотели так хоть раз. Потому что ведь все равно деньги платишь, все до копейки сдаешь в семейную казну, чтоб на восьмое марта твой Марко, или как его там, по дороге с работы забежал на кладбище и вытянул из венка покойного начальника базы три гвоздики. Или обломал цветок в конторе с раз в год зацветшего кактуса. «Сумасшедшие деньги отдал, сумасшедшие!» Такая честная у нас любовь!

Я их всех люблю, жалею, ору на них, на дур. У меня одна старая дева грохнулась в обморок, когда возле доски у мальчишки вздыбились штаны, она велела ему привести себя в порядок, а он ей сказал: «Извините, не могу, эрекция». Сволочь, конечно. Но старая дура зашаталась, и парню пришлось ее ловить практически на эрекцию. Девчонки на уроках разглядывают новые прокладки, а мальчишки просят посмотреть тоже. Ужас, кошмар, но это все дым в трубу, который не мешает им хорошо учиться, и подозреваю, что большинство из них целомудренны. Грубое время, рожденное хамами другой эпохи, требует соответственной реакции. Дети мои

не ангелы, но тысячу раз не жлобы. Они лучше нас. Они чертят звездолеты, хромосомы, они толкиенисты и буддисты, они верят в переселение души и всерьез озабочены полученной от отцов кармой.

У меня почти физическое чувство их рожденности из моего лона. Хотя это я на себя много беру. Но раз меня Бог сделал завучем, я буду исполнять его план по максимуму, может, и выполню Божью волю. Я человек не воцерковленный, но после Израиля стала верующей. Как мне объясняют, неправильно верующей, на протестантский манер, но ведь не в этом суть... Я ращу свою веру и надеюсь, что расту с нею сама. Вера мне не ниспослана, я, как все в своей жизни, зарабатываю ее трудом и старанием.

Вино выпили всё, осталась четверть бутылки цимлянского, бутылка была рядом со мной, и ее как бы за мной закрепили. Никто же не знает о моих особенных отношениях с ним. Мы с цимлянским – подельники в подтоплении дружбы. Где вы, мои девчонки? Где?

Возникновение тетради в клеточку, что лежит под дерматиновой сумкой с документами на приватизацию квартиры, паспортом и дипломом об окончании института. Все лежит в ящике письменного стола без одной ножки, которую подменяют четыре вишневого тома писем Чехова и туристический проспект по Греции.

Чертовски болит нога. Они сказали: «Остеомиелит». Вранье! Спрашивают: не воевала ли я, не подвергалась ли обморожению во время войны? Видимо, у меня такой вид, что я могу казаться участницей даже Куликовской битвы. Хотя перед глазами этих сволочей история болезни, и там написано: я родилась в 1952 году и, увы, не в окопе. Я лежала на вполне теплом месте – у бабушки в деревне, и меня любили и холили. Единственный раз в жизни.

Бабушка забрала меня у матери сразу. Хотя, по русской логике, должна была выпихнуть нас вместе. Мать, как говорится, меня словила на ветру, присев пописать. Я так и не знаю, в сущности, эту девочку из деревни – маму, которой бабушка выправила паспорт, чтоб та чему-нибудь научилась в городе. Но номер не прошел. Через девять месяцев, принесенная ветром, я лежала в цинковом корыте, и меня мыли через белую тряпицу. Почему-то считалось, что так правильно детскому телу. Матушка была изгнана из дома батогом – это мне объяснили потом, когда я играла с цветочками на широком подоконнике – это и было мое местожительство лет до пяти. Я целовала цветочки герани, нюхала толстомясое алоэ, а вечером сползала с подоконника в загородку кровати, где тихо ночевала, потому как знала, буду шумной – батог висит в сених, и меня, как маму, ф-ю-ить – и на мороз и ветер! Я скоро поняла, что это вранье, что бабушка души во мне не чаёт, а о матери рассказывает только страшное для примера жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.